

• ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

В МИФИ весь коллектив очень близко к сердцу воспринял трагедию в Чернобыле. Был проведен сбор средств в фонд помощи пострадавшим от аварии. Кроме этого, ряд сотрудников института самоотверженно трудились на ликвидации аварии. Сегодня мы рассказываем о представителях кафедры 1. В последующих номерах познакомим вас с добровольцами других кафедр.

Ситуация, образовавшаяся на Чернобыльской АЭС, не давала им покоя. Как физики они прекрасно понимали обстановку, также остро понимали, что не могут быть в стороне, что их по-

мощь там нужна. В этом пришлось убеждать ответственных товарищей на разных уровнях. В министерстве, выслушав их просьбу, вначале с благодарностью отказали, объяснив, что на станции уже достаточно специалистов, рабочих, служащих. И все-таки они убедили и добились своего: разрешение получили.

Добровольцев на кафедре было больше чем достаточно — молодые ученые, преподаватели, студенты. Отбирал людей заместитель заведующего кафедрой по научной работе Анатолий Александрович Строганов тща-

тельно и придирчиво по двум критериям: личные человеческие качества и высокая квалификация. Он и возглавил первую группу, которая должна была работать на четвертом блоке. Кроме него, в нее вошли кандидаты физико-математических наук Сергей Григорьевич Михеенко, заместитель декана факультета «Т» Ларион Александрович Лебедев, а также специалист по радиоэлектронной аппаратуре Борис Данилович Зельдич. Позже также из добровольцев были сформированы еще три группы для работы на первом и втором блоках.

...На станции наших физиков встретили удивленно: «Зачем вы, ребята, сюда приехали? У нас уже есть отличные специалисты. Что вы можете сделать?». Это было 24 июня. А в августе в МИФИ пришло благодарственное письмо от руководства строительства по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

...Приехав туда, они заверили: «Будем делать все, что скажете». Вначале занялись дозиметрией, и тут помогла их основная квалификация: они не только знали, как работают приборы, но и понимали физические принципы каждого из них. Быстро освоившись, увидели массу проблем, над которыми уже бились работающие здесь специалисты, и предложили свою помощь в их решении. Создали группу радиационно-технической разведки и противорадиационной защиты. Провели большую разведывательную работу для обоснования технического решения по созданию «саркофага».

Ситуация характеризовалась в большой степени неопределенностью начальных параметров. Необходимо было обнаружить основные источники радиации и найти возможности их подавления. Эту задачу четверо мифистов и взялись решить. К четвертому блоку практически невозможно было

подступиться, не говоря уже об успешном проведении там каких-либо работ. До долей секунд считав, сколько могут находиться в опасной зоне, они шаг за шагом исследовали территорию. Магнитофон, который носили с собой, записывал показания. Попутно записывал и их шаги: то спокойные, то торопливые — опасная зона, то бегущие — место, где можно безопасно находиться только несколько секунд... Ночью прослушивали магнитофон, делали расчеты.

Потом проверяли этажи блока. Одни были чистые, другие — нет... И опять магнитофон записывал шаги: торопливые, бегущие. А ночью снова — расчеты.

Вокруг разрушенного реактора строители собирались воздвигнуть шестиметровую стену для защиты от излучения. Ребята, исследовав, определили: прежде всего надо закрыть всю «грязь» на поверхности вокруг. В короткое время был изменен проект, как они предложили: указанный участок засыпали щебнем, залили бетоном. Уровень радиации понизился в 10 раз.

...Днем работали около реактора, ночью — в лагере, делали расчеты. Сами определили себе две рабочие смены. Потом они скажут: «Увидели много для себя задач, захотелось успеть побольше сделать».

Кроме задач оперативной дозиметрии, они видели и задачу коррекции показаний аппаратуры, которая на данную ситуацию не была рассчитана. Определили сначала, в какую сторону могут ошибиться приборы, потом прикинули экспериментальную методику, как это подтвердить и количественно оценить, и провели эксперименты — тоже параллельно с основной работой.

Они уже были, как говорится, «под завязку» загружены. И в этой ситуации, казалось, что больше уже и сделать трудно, и желать нечего. Но ребят нельзя было остановить — одержимость какая-то овладела: как только они видели, что могут помочь еще в чем-то, то тратили остатки сво-

его времени, чтобы решить очередную задачу.

— В общем, в ребятах вы не ошиблись? — спросила я Строганова.

— Ошибся: думал, они хорошие люди, а оказалось, что они намного лучше, чем я предполагал... Никого подгонять не надо было, скорее наоборот — приходилось сдерживать, чтобы не было самовольных решений. Притом учтите, были ситуации, когда человека просто нельзя было заставить продолжать работать. Каждый при распределении задания ревниво смотрел, как бы, упаси Бог, кто-то из товарищей не получил дозу радиации больше, чем он. Выполнив свою задачу, старались прихватить и часть задания другого.

Рвался каждый. Анатолий решил наконец-то воспользоваться правом начальника и как можно авторитетнее сказал: пойду я. Ребята замерли на мгновение и... на корабле поднялся бунт. Велели бросать жребий. Тянули спички. Вытащил один, но рано радовался, другой, мгновенно опередив его, бросился на блок...

... Столкнулись здесь они еще с одной проблемой. Приехав на станцию, поговорив с людьми, увидели: очень много преувеличений. Как физики они лучше других понимали, что страх возникал часто необоснованно. По просьбе руководства строительства и по своей инициативе стали проводить разъяснительные беседы. Читали рабочим и солдатам лекции по радиационной гигиене, об условиях и способах работы. Убеждали личным примером. Объясняли, что работают в допустимых пределах. Много вопросов задавали им непосредственно на блоках. Эти лекции и беседы очень успокаивали людей.

«Инженер-Физик»
от 30.12.1986г.

• СЕГОДНЯ

«УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО СТОЯЩЕЕ В ЖИЗНИ»

Прошло двадцать лет с тех пор, как мифисты-добровольцы героически трудились на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Сегодня в гостях у редакции сотрудники кафедры 1 Сергей Григорьевич Михеенко и Борис Данилович Зельдич. Вспоминаем события двадцатилетней давности.

Рассказали, что они — несколько чернобыльцев — регулярно встречаются. А один раз в год, обязательно, едут на Митинское кладбище, где установлен памятник пожарникам — людям, которые первые бросились в пекло и героически боролись со стихией, не представляя себе, с какой.

— Разные мнения были о вашем добровольном решении и огромных усилиях, которые вы приложили, чтобы поехать работать в Чернобыль. Знакомый дипломник воскликнул: «Вот люди сделали стоящее дело в своей жизни!» А один профессор обмолвился: «Зачем им это надо? Самим нарваться, чтобы потом всю жизнь болеть...»

Наши гости улыбаются. Отвечая, дополняют друг друга:

— Да и на нашей кафедре некоторые говорили нам прямо: «Не просят — не рыпайтесь! Куда вы лезете?» Но мы же профессионалы! В этом деле разбираемся хорошо. Кому, как не нам туда ехать. Ведь наша кафедра была тогда головной в стране по физике защиты дозиметрии. А любым делом должны заниматься профессионалы!

— Но профессионалов туда сразу не послали, да и вам пришлось буквально «пробиваться» в Чернобыль.

— Когда в мае случилась авария, сначала были задействованы энергетики. Средмашу поручили этим заниматься только с июня. Позже на ликвидацию последствий аварии стали направлять именно специалистов-

атомщиков. А вначале просто не знали, что произошло и что делать.

— Когда 20 лет назад для новогоднего номера «Инженера-физика» готовили материал, то нас поразили цифры: после первой поездки вашей четверки благодаря разработанной вами методике, уровень радиации вокруг аварийного блока понизился в 10 раз, а после второго «захода», в результате всей вашей работы, — в 100!

— Да, именно так. Работа была очень результативная: вечером допоздна делали расчеты, а на следующий день наши предложения реализовывали строители.

Еще несколько раз ездили туда в командировки. Ну а потом уже другие проблемы решали: дезактивация Беларуси, например. А в нашей стране — в Брянской области, Тульской.

— Сегодня этот объект опасность представляет?

— Да нет, все замуровано. Стоит себе и стоит. Конечно, за ним следить

надо, чтобы, например, крыша не протекала.

— За эти годы радиация ушла или до сих пор осталась грязь?

— Конечно, радиация уходит. Все основные грязные места очищены.

— Как ваша жизнь сложилась потом? Вы все работаете на кафедре?

— Нет. Из той четверки только мы вдвоем. А Анатолий Строганов и Ларион Лебедев работают в других местах.

— Вас наградили?

— Тройх — десять лет назад — Орденом мужества. Почему не всех? Потому, что на момент представления к награде, некоторые уже не работали в МИФИ, а кто-то был в командировке.

— Какая разница, где человек находится? Главное, что он героически трудился на ликвидации последствий аварии. А как выглядит орден?

— Похож на Георгиевский крест. На самом деле, в Чернобыле потом

довольно много поработало сотрудников нашей кафедры. Да и в «Инженере-физике», кажется, были фотографии всех ребят.

— После тех событий многие думали, что значимость кафедры 1 сильно возрастет. Ведь ее питомцы показали на деле высочайший профессионализм и лучшие человеческие качества.

— Ничего особенно не изменилось. Был какой-то всплеск. Но смерть заведующего — Виктора Ивановича — и общий разлад в тот период помешали. Что-то начали было делать. Вот Ольга Григорьевна Сотникова участвовала в пробах воды — на корабле плавали по Черному морю. Но потом эта тема стала проблемой Украины: после развала Союза.

В последние годы на кафедре появились новые направления: медицинская физика и другие. Но, думаем, наша специализация всегда будет одной из главных. После Чернобыльской аварии пошла кампания: стали бороться с атомной отраслью, позакрывали станции. А потом за голову схватились. Армяне, они одни из первых свою станцию прикрыли, спустя некоторое время со слезами встречали твэлы, которые им везли из России.

— Как в семьях тогда отнеслись к вашему решению поехать в Чернобыль?

— С пониманием, поддержали морально. Правда, когда вернулись, были небольшие инциденты. Знакомые все спрашивали, прошли ли мы медицинское обследование. А теща моя (Михеев смеется) звонит жене и требует: «Ты его домой не пускай! Как из лифта выйдет, пусть сначала всю одежду в коридоре оставит, а потом в квартиру заходит». Ну, народ-то не разбирается, слухи всякие ходили.

— Вас на предмет здоровья обследовали?

— Проверяли иммунную систему, препараты давали для ее повышения. Вроде здоровье не хуже, чем у других.

— Вы сейчас, чем конкретно на кафедре занимаетесь?

Б.Д. Зельдич:
— Я исследую загрязнение продуктов и воды. Изучаю экологию в Брянской области: миграцию радионуклидов в почве и растениях. Даю рекомендации, какие культуры, где выращивать.

С.Г. Михеев, доцент:
— Я сейчас преподаю. Рассказываю студентам о безопасности жизнедеятельности. О радиационной безопасности, защите. Привожу примеры из нашей работы в Чернобыле.

— Сегодня, по прошествии 20 лет, вы не жалеете, что тогда, может по молодости, по горячности, бросились в радиоактивную зону, не думая о себе, о своем здоровье?

— Нет! Об этом речи не может быть! Тот период — очень важный в нашей жизни. Действительно, удалось совершить что-то стоящее. Это дело было наше! Произошло страшное событие, которое требовало нашего присутствия, как профессионалов. Иначе, для чего мы учились? Мы знаем дело и умеем работать так, чтобы самим не пострадать. Кто, если не мы?

— Как вы смотрите в будущее? Какое у вас сейчас настроение перед Новым годом?

— Смотрим на будущее с надеждой и оптимизмом.

С. Сергеева.